

Участие в преступлении после его окончания: прикосновенность или соучастие?

Аннотация. В статье анализируется возможность соучастия в преступлении после момента его юридического окончания применительно к длящимся преступлениям, преступлениям с усеченным составом, преступлениям с несколькими обязательными действиями и преступлениям с альтернативными деяниями. Исследуется значение предварительного сговора и осознания факта присоединения к юридически окончанному, но фактически продолжающемуся преступному посягательству для констатации соучастия в преступлении. Подробно анализируются правила квалификации соучастия при присоединении соучастника к эксцессу исполнителя разбоя, заранее не обещанном удержании похищенной жертвы и юридически окончанном изнасиловании. Делается вывод о том, что соучастие в преступлении может иметь место не только до момента его юридического окончания, но и после него — вплоть до момента фактического окончания преступного посягательства, тогда как совершение действий после этого и в связи с окончанным преступным посягательством является прикосновенностью к преступлению.

Ключевые слова: соучастие, прикосновенность, длящиеся преступления, окончание преступления, квалификация преступлений.

**Денис Анатольевич
МЕЛЕШКО,**

доцент кафедры
уголовного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
dmeleshko91@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.116.4.083-089

Denis A. MELESHKO,

Associate professor of the Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)

dmeleshko91@mail.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Participation in a Crime after the Moment of its End: Touching a Crime or Complicity?

Abstract. The article analyzes the possibility of complicity in a crime after the moment of its legal termination in relation to ongoing crimes, crimes with a truncated composition, crimes with several mandatory actions and crimes with alternative actions. The significance of preliminary conspiracy and awareness of the fact of joining a legally completed, but actually ongoing criminal attack for establishing complicity in a crime is explored. The rules for qualifying complicity are analyzed in detail when an accomplice joins the excesses of the perpetrator of robbery, the retention of a kidnapped victim that was not promised in advance, and legally completed rape. It is concluded

© Мелешко Д. А., 2024

that complicity in a crime can take place not only before the moment of its legal completion, but also after it — up to the moment of the actual end of the criminal attack, while the commission of actions after this moment and in connection with the completed criminal attack is an implication for crime.

Keywords: *complicity, touching a crime, continuous crimes, the end of the crime, qualification of crimes.*

Совместность деяния при соучастии, помимо сложения интеллектуальных и физических усилий причинителей, проявляется в том, что действия соучастников причинно связаны с преступным результатом и, соответственно, предшествуют его достижению. Традиционно этот критерий (причинно-следственной связи) используется для определения временных рамок соучастия и ограничения его от прикосновенности к преступлению.

Вспоминая профессора Н. С. Таганцева, приведем его слова: «Нельзя вложиться в то, что уже совершилось и существует, нельзя согласиться на участие в том, что уже сделано»¹. Несмотря на точность и убедительность тезиса, соблазн усомниться в его обоснованности возникает при анализе практики квалификации соучастия в преступлениях с усеченной конструкцией состава, в дящихся преступлениях, в преступлениях с альтернативными признаками объективной стороны и в ряде других объективно непростых случаев. Приведенное правило в подобных ситуациях требует как минимум конкретизации.

В судебной практике уголовно-правовая оценка действий лица, участвующего в совершении хищения совместно с другим исполнителем, инициативно (несогласованно) применившим в процессе посягательства опасное для жизни или здоровья насилие, сводится к необходимости вменения состава разбоя такому лицу в случае, если оно не отказалось от дальнейшего совершения хищения, продолжив его². Это же правило разъясняет Пленум Верховного Суда РФ в п. 14.1 постановления от 27.12.2022 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: «Если другие члены преступной группы продолжили свое участие в преступлении, воспользовавшись примененным соисполнителем насилием либо угрозой его применения для завладения имуществом потерпевшего или удержания этого имущества, они также несут уголовную ответственность за грабеж или разбой группой лиц по предварительному сговору с соответствующими квалифицирующими признаками».

Заметим, что усеченная конструкция состава разбоя обуславливает признание преступления юридически оконченным до наступления момента его фактического окончания. Следовательно, присоединение соисполнителя к совершению разбоя в описанных условиях происходит после его юридического окончания. Размывает ли это границы соучастия в преступлении и прикосновенности к

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая : лекции : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 369.

² Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2009 года (утв. постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25.11.2009 № 157-П09) // СПС «КонсультантПлюс».

нему? Думается, что нет, поскольку фактически посягательство еще продолжается, осуществляется уже само хищение, соответственно, не исключается и возможность участия в нем, возможность внесения вклада в общий преступный результат. Вменение в этом случае соучастнику состава разбоя, а не первоначально планируемого менее тяжкого преступления (кражи или грабежа), обосновывается осознанием им состоявшегося перерастания хищения, согласием с этим обстоятельством и, как итог, продолжением участия уже в новом преступлении — разбое.

Странным образом из этой логики выбивается правило квалификации действий соучастника в вымогательстве, содержащееся в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)», согласно которому действия лица, осуществляющего заранее обещанные передачу исполнителю преступления, полученного в результате вымогательства имущества или оформление прав на него, следует квалифицировать по ч. 5 ст. 33 и ст. 163 УК РФ, т.е. в качестве интеллектуального пособничества, а не соисполнительства в вымогательстве.

Конечно, данное разъяснение не ставит под сомнение саму возможность соучастия после юридического окончания преступления (к слову, при наличии предварительной договоренности соучастие презюмируется, о чем пойдет речь ниже), но остаются непонятными причины, по которым лицо, фактически продолжившее совершение преступления после его юридического окончания и осуществившее передачу исполнителю имущества, не признается соисполнителем преступления, как это имеет место в случае с завладением или удержанием имущества соучастником в разбое.

Качественно иной подход к допущению соучастия после юридического окончания преступления наблюдается при уголовно-правовой оценке присоединения к похищению человека лица, которое собственными действиями реализует лишь один из этапов похищения — удерживает жертву, при отсутствии предварительной договоренности об этом с непосредственными похитителями. Действия такого субъекта в судебной практике квалифицируются как незаконное лишение свободы, несмотря на сходное (с описанным выше случаем присоединения к разбою) осознание ранее совершенного иными лицами похищения человека и присоединения фактически именно к похищению.

Приведенное квалификационное правило следует из смысла разъяснения, содержащегося в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми», в соответствии с которым «в случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками о похищении человека виновный совершает отдельное действие, входящее в объективную сторону данного преступления, он несет уголовную ответственность как соисполнитель преступления, совершенного группой лиц по предварительному сговору (пункт «а» части 2 статьи 126 УК РФ)». Более четко это правило прослеживается в конкретных решениях высшей судебной инстанции, сводящихся к тому, что действия лиц, удерживающих потерпевших, ранее похищенных другими лицами,

с которыми они не состояли в сговоре на похищение, квалифицируются как незаконное лишение свободы³.

Сопоставление этих двух случаев присоединения участника к уже совершаемому преступлению представляется допустимым, поскольку в похищении человека, как и в разбое, разведены моменты юридического и фактического окончания преступления. Похищение, характеризующееся сложной конструкцией деяния в виде трех последовательных этапов, признается юридически окончанным уже с момента захвата и начала перемещения. Получается, что лицо, осуществляющее заранее не обещанное удержание жертвы, присоединяется к похищению после его юридического окончания, но отвечает при этом не за похищение (хотя факт участия в нем им и осознавался), а лишь за совершенное собственноручно менее тяжкое незаконное лишение свободы. Заметим, что в случае с разбоем при сходных обстоятельствах судебная практика исходит из необходимости вменения виновному преступления, к которому он присоединился, т.е. более тяжкого — разбоя.

Можно было предположить, что определение более льготных условий уголовной ответственности для субъекта, удерживающего ранее похищенную другими лицами жертву, обусловлено недопустимостью ухудшения его положения при конкуренции нескольких правил квалификации (проявлении презумпции невиновности в уголовном праве в силу ст. 49 Конституции РФ). Однако конкретно в этой ситуации такая логика представляется весьма сомнительной, учитывая, что субъект, действия которого квалифицируются по ст. 127 УК РФ, лишается, к примеру, возможности быть императивно освобожденным от уголовной ответственности по примечанию к ст. 126 УК РФ в связи с деятельным раскаянием в случае добровольного освобождения похищенного, в отличие от его сообщников — непосредственных похитителей.

В любом случае приведенное частное правило квалификации действий лица, фактически присоединившегося к похищению человека, демонстрирует позицию практики, отрицающую возможность соучастия в преступлении после момента его юридического окончания при отсутствии предварительной договоренности.

Акцент на «предварительную договоренность» в этом рассуждении важен, поскольку наличие сговора на совершение действий по участию в преступлении до начала его совершения презюмирует наличие соучастия. Это применимо вне зависимости от того, входят ли действия, о совершении которых договариваются соучастники, в объективную сторону состава преступления (к примеру, при похищении человека удержание жертвы признается отдельным действием в рамках объективной стороны состава) или не входят, но являются фактическим продолжением преступления (к примеру, при разбое, где действия по завладению или удержанию имущества потерпевшего не охватываются объективной стороной состава).

К слову, утверждение о вхождении удержания в объективную сторону похищения не является однозначным, поскольку разъяснения Пленума в этой части

³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2004 года (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 15.09.2004 № 533П2004пр) // СПС «КонсультантПлюс».

достаточно противоречивы. Так, согласно п. 2 постановления от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми», под похищением человека следует понимать его незаконные захват, перемещение и последующее удержание. Одновременно в постановлении разъясняется, что похищение человека считается оконченным преступлением с момента захвата и начала его перемещения. Отсюда возникает вопрос о возможности (точнее о невозможности) отнесения действия (удержания), совершаемого после юридического окончания преступления, к объективной стороне его состава.

Интересен пример с юридически оконченным изнасилованием, когда второй мужчина по предложению первого присоединяется к преступлению и, пользуясь ранее примененным насилием к жертве, совершает с ней половое сношение, когда ее воля уже сломлена. Представляется, что в подобной ситуации содеянное должно квалифицироваться как совершенное в соучастии, и в случае наличия предварительной договоренности о поочередном совершении изнасилования, и в случае отсутствия таковой, поскольку второй мужчина осознает, что своими действиями продолжает ранее начатое и фактически неоконченное посягательство. Между тем судебная практика демонстрирует и иной подход.

П. с целью подавления воли О. к сопротивлению нанес ей не менее 10 ударов кулаками и 2 удара коленом по голове, после чего совершил в отношении нее половое сношение с применением насилия. Затем П. предложил З. изнасиловать О., на что тот согласился. После этого З. против воли и желания О., понимая, что действиями П. в виде применения насилия к потерпевшей ее воля к сопротивлению подавлена, совершил в отношении нее половое сношение с применением насилия. Указанные действия З. и П. судом первой инстанции квалифицированы как изнасилование, совершенное группой лиц. Апелляционная инстанция приговор изменила, исключив квалификацию по признаку «группы лиц»⁴.

Полагаем, что осознание З. того факта, что сопротивление жертвы сломлено П., принятие им в этих обстоятельствах предложения последнего совершить половое сношение с ней, а также использование результатов ранее примененного П. насилия означает присоединение к начатому, юридически оконченному, но фактически продолжающемуся изнасилованию, что образует соучастие в преступлении и требует вменения квалифицирующего признака «группы лиц». Во многом данная ситуация сходна с рассмотренными выше присоединением соучастника к эксцессу исполнителя разбоя и заранее не обещанным удержанием похищенной жертвы.

Наиболее остро вопрос о возможности участия в преступлении после его окончания стоит применительно к делящимся преступлениям, которые начинаются (и одновременно юридически оканчиваются) с определенного преступного действия и характеризуются последующим непрерывным осуществлением состава данного преступного деяния. Полагаем, что при оказании помощи виновному после побега или дезертирства в виде его сокрытия, предоставления транспорта,

⁴ Апелляционное определение Амурского областного суда от 09.03.2016 № 22-105/16 (Обобщение апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Амурского областного суда за первое полугодие 2016 года) // СПС «КонсультантПлюс».

денежных средств и поддельных документов вопрос о наличии соучастия должен решаться положительно, несмотря на юридическую оконченность деяния, поскольку соучастник в подобных случаях вкладывается во все еще совершаемое преступление, его действия напрямую обуславливают дальнейшее сокрытие виновного, т.е. способствуют наступлению преступного результата. Впрочем, такой подход поддерживается не всеми специалистами⁵.

Оригинальным образом соучастие проявляется в преступлениях с альтернативными деяниями, которые признаются юридически оконченными с момента совершения любого из таких деяний. Так, не исключается возможность заранее оговоренного разделения функций, сводящихся к различным альтернативным действиям, между несколькими соучастниками, к примеру, приобретению огнестрельного оружия одним лицом с передачей другому лицу, которое осуществляет его последующее временное хранение.

Эта же позиция прослеживается в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ относительно правил квалификации соучастия в незаконной охоте, объективная сторона которой также включает ряд альтернативных действий. Так, п. 12 постановления от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» устанавливает, что «при совершении незаконной охоты группой лиц по предварительному сговору (часть 2 статьи 258 УК РФ) исполнителями преступления признаются лица, осуществлявшие поиск, отслеживание, преследование и добычу охотничьих ресурсов, производившие их первичную переработку и (или) транспортировку». При этом сама незаконная охота признается оконченной с момента начала совершения действий, непосредственно направленных на поиск, отслеживание, преследование в целях добычи охотничьих ресурсов, а также на их добычу, первичную переработку, транспортировку. Соответственно, водитель автомобиля, который в соответствии с предварительной договоренностью вывез незаконно добытых животных с места охоты, признается соисполнителем преступления, хотя к моменту начала его действий незаконная охота уже юридически окончена⁶.

Следует отметить, что представленная практика не противоречит уголовно-правовой доктрине, в которой в целом признается возможность соучастия в преступлении после его юридического окончания и до момента фактического завершения преступного посягательства⁷.

⁵ Чернов В. Соучастие в длящихся и продолжаемых преступлениях // Советская юстиция. 1984. № 17. С. 9.

⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 3 т. М., 2023. Т. 1 : Общая часть / под науч. ред. К. В. Образиева, Н. И. Пикурова. С. 182 (автор комментария к соответствующей статье — К. В. Образиев).

⁷ См., например: Курс советского уголовного права. Часть Общая / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л., 1968. Т. 2. С. 593—594 ; *Шарапов Р. Д.* Соучастие в преступлении: закон, теория, практика // Lex russica. 2016. № 10. С. 105—115 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 3 т. Т. 1. С. 182.

Выводы

Вопрос о возможности соучастия в преступлении после его юридического окончания актуален не только для длящихся преступлений (к примеру, побега и дезертирства), но и для преступлений с усеченным составом (к примеру, разбоя и вымогательства), преступлений с несколькими обязательными действиями (к примеру, похищения человека и изнасилования), преступлений с альтернативными деяниями (к примеру, незаконного оборота оружия и незаконной охоты).

По общему правилу соучастие в преступлении может иметь место как до момента его юридического окончания, так и после него — вплоть до момента фактического окончания преступного посягательства.

Предварительная договоренность о совместном совершении преступления презюмирует наличие соучастия при фактическом присоединении к преступлению после момента его юридического окончания.

Осознание субъектом факта присоединения к юридически оконченному, но фактически продолжающемуся преступному посягательству может свидетельствовать о наличии соучастия в преступлении даже при отсутствии предварительного сговора.

Временной границей соучастия является фактическое окончание преступления, после которого участие в преступлении невозможно, соответственно, действия лица, совершенные после этого момента, но в связи с оконченным преступным посягательством, являются прикосновенностью к преступлению и квалифицируются соответствующим образом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 3 т. — М., 2023. — Т. 1 : Общая часть / под науч. ред. К. В. Образиева, Н. И. Пикурова.
2. Курс советского уголовного права. Часть Общая / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. — Л., 1968. — Т. 2.
3. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая : лекции : в 2 т. — М. : Наука, 1994. — Т. 1.
4. Чернов В. Соучастие в длящихся и продолжаемых преступлениях // Советская юстиция. — 1984. — № 17. — С. 9—10.
5. Шарапов Р. Д. Соучастие в преступлении: закон, теория, практика // Lex russica. — 2016. — № 10. — С. 105—115.

